

И.Л. МАЯК. Римские древности по Авлу Геллию: история, право. М., 2012. 336 с.

Выход в свет книги И.Л. Маяк, недавно отметившей свой юбилей, событие долгожданное и значимое. В последние полтора десятилетия «Аттические ночи» Авла Геллия находились в центре исследовательского внимания Ии Леонидовны, что отразилось в целой серии публикаций, посвященных источниковедческим аспектам изучения этого памятника, интерпретации терминов историко-правового и религиозного характера¹. Таким образом, рецензируемая монография подводит итог многолетним наблюдениям автора над особенностями построения сочинения Авла Геллия, которое представляет собой, в ряду прочих произведений антикварной традиции, ценнейший источник по изучению различных деталей, относящихся к древнейшей истории Рима и по тем или иным причинам обойденным вниманием римских историков, наследовавших традиции анналистической историографии.

Уже неоднократно подчеркивалось, что источники, которыми пользовался Геллий, весьма многочисленны и крайне разнообразны по своей жанровой принадлежности. Помимо основных авторов, на которых он опирался, – Варрона, Катона и Цицерона, – Геллий проштудировал множество дополнительных источников, среди которых следует особо выделить не дошедшие до нас произведения анналистов разных поколений. Преследуя в основном дидактические цели, Геллий в конечном итоге придал своему сочинению особый характер *miscellanea* – сборника различных историй для поучительного чтения, близкого по своему характеру аналогичным сборникам, носившим характерные названия вроде «Пестрая история» (Ποικίλη ἱστορία) или «Разнообразная история» (Παντοδαμή ἱστορία), как в случае с одноименным сочинением Фаворина Арелатского². Данные обстоятельства не только делают «Аттические ночи» поистине неисчерпаемым источником. В нем разбросаны важные сведения исторического характера, которые исследователь вынужден собирать буквально по крупицам, и это делает изучение подобного памятника необычайно кропотливой и трудоемкой работой. К тому же научная литература, затрагивающая различные аспекты изучения «Аттических ночей», поистине необозрима, и ее количественный и качественный учет также должен занимать в подобных работах достойное место.

Монография И.Л. Маяк представляет собой образец подобного кропотливого источниковедческого анализа, ценность которого увеличивается также и за счет того, что монографические исследования подобного рода на русском языке еще не публиковались³. Основной части книги, включающей в себя девять глав, почти каждая из которых представляет собой самостоятельное, законченное исследование, предпослан внушительный по объему «Обзор литературы» (с. 6–78). На первый взгляд, этот раздел может показаться несколько растянутым иотяжеляющим книгу, но при более пристальном рассмотрении приходит понимание того, что он абсолютно точно соответствует авторскому замыслу. По сути дела это даже не «обзор», как указано в заглавии, а полноценное историографическое исследование, подводящее итог почти полуторавековой научной традиции изучения «Аттических ночей» и не только четко указывающее, что уже сделано, но и очерчивающее возможные перспективы перед исследователем, принимающимся за анализ Геллиева текста. При этом работы отечественных авторов рассматриваются в этом разделе в общем хронологическом порядке, наряду с трудами европейских исследователей, тем самым российская историография контекстуально не отделяется от мировой.

Отметив, что определение первоисточников «Аттических ночей» уже давно сделано, И.Л. Маяк сделала особый акцент на том, что значительное расширение круга источников, относящихся к раннему Риму, – открытие новых надписей, накопление археологического и лингвистического материала, появление новых подходов к интерпретации уже известных и, казалось бы, хрестоматийных источников, появление новых мировоззренческих парадигм в историографии, совершенствование техники обработки содержащихся в источниках данных, – все это отразилось (и отражается до сих пор) на оценках значимости первоисточников «Аттических ночей». Автор монографии отмечает ряд характерных трендов в мировой историографии, особо оговаривая просопографические штудии, исследования языка и стиля «Аттических ночей», работы по анализу встречающейся у Геллия

¹ Маяк 1998, 8–27; 2002, 24–33.

² Альбрехт 2005, 1612–1613.

³ В отечественной историографии имеются только статьи, затрагивающие отдельные аспекты мировоззрения автора «Аттических ночей» (см. Виппер 1948, 58–64), а также вступительные статьи общего характера, предваряющие русские переводы Геллия (см. Тьжов 2007, 5–14).

юридической терминологии. Тем самым исчерпывающим образом очерчивается контекст, позволяющий судить о степени воздействия на мировоззрение Геллия сочинений прочитанных и усвоенных им авторов.

До сих пор не потерял своей актуальности вопрос, насколько самостоятелен был Геллий в своем обращении к первоисточникам: сам ли он читал тех авторов, которых цитировал, или ссылался на них из вторых рук. В связи с этим вызывают особый интерес выводы итальянской исследовательницы С. Шипиони⁴, уделившей немало внимания созданию нового каталога рукописей «Аттических ночей»: изучение рукописных маргиналий и ряд других ценных наблюдений, проясняющих специфику работы Геллия, позволяют прийти к выводу, что сам Геллий, если и далеко не всегда ссылался на свои источники напрямую, то все же имел возможность видеть и читать цитируемые тексты. Вызывает интерес также привлечение аргументов новейших исследователей, позволяющих охарактеризовать самого Геллия как тип эрудита, который предстает перед нами и как специалист-филолог (с точки зрения содержания его труда), и как рассказчик-популяризатор (с. 69). В связи с необходимостью учитывать особенности исторического мышления Геллия-антиквара особое значение имеет включенная И.Л. Маяк в историографический обзор новейшая работа Д. Пауша⁵, где констатируется, что для Авла Геллия было характерно существенно новое отношение к прошлому, что само по себе явилось следствием качественно изменившегося характера системы образования эпохи Антонинов, для которой особую актуальность приобретает обучение истории, причем не столько «поэтической», т.е. художественной формы изложения материала, сколько самих событий.

В общем и целом, при некоторой громоздкости историографического раздела следует, однако, заметить, что в условиях оскудения и упадка культуры историографических исследований подобный экскурс представляется нелишним. Подводя итог обширному историографическому очерку, автор, во-первых, отмечает целый ряд еще не решенных вопросов, до сих пор остающихся предметом дискуссий (это касается, в частности, дат жизни Авла Геллия, определить которые с точностью пока не представляется возможным), во-вторых, очерчивает дальнейшие перспективы исследовательской работы, которые затрагивают, среди прочего, вопросы, связанные с исследованием стиля, лексических новаций, переводческого мастерства римского эрудита. Рассмотрение этих вопросов, хотя и носит, казалось бы, прикладной характер, тем не менее способно внести заметный вклад в источниковедческое изучение памятника. Широкое применение компьютерных технологий, создание тезаурусов и баз данных – все это существенным образом облегчает задачу исследователя.

В главе «Аттические ночи» как источник по истории Рима (до эпохи Поздней республики): основная тематика» на конкретных примерах раскрывается мастерство Геллия как историка, подчеркивается добротность использованных им источников. И.Л. Маяк анализирует первоисточники «Аттических ночей», относящиеся к республиканской эпохе, где событийная канва в общем и целом установлена и не является предметом дискуссий, чего нельзя сказать о более ранних периодах римской истории. Таким образом, охарактеризовав принципы отбора и обработки Геллием информации исторического характера, автор старается проследить применение им сходных принципов и на материале истории древнейшего Рима.

И.Л. Маяк обращает внимание на параллелизм и синхронизм в упоминании ритором (Gell. XVII. 21) событий, за которыми виден замысел Геллия показать сходство путей развития общества на Балканах и в Италии, при этом отчетливо просматривается характерное для греческой культурной традиции стремление взирать на историю сквозь призму личности, в противоположность, например, Катону, написавшему «Origines» как историю народа (с. 79).

Ряд выводов в рассматриваемой главе, на наш взгляд, нуждается в более развернутом обосновании. В частности, на с. 90 говорится о том, что Ромул представлен на страницах «Аттических ночей» реальным, земным человеком, чей образ лишен сверхъестественных черт. Однако здесь надлежит задаться вопросом: что же стояло за демифологизацией образа Ромула? Насколько превращение полумифического героя-эпонима во вполне реального исторического деятеля, представляющее собой одно из звеньев единого процесса рационализации мифа, было характерно для античной исторической мысли в целом, начиная с Геродота, и насколько это было востребовано именно римской антикварной традицией эпохи Антонинов? Это – весьма сложная и многогранная проблема, поэтому вряд ли правомерно требовать от автора рецензируемой книги исчерпывающего ответа на этот вопрос, но хотя бы бегло очертить характеристику данной проблемы в современной историографии⁶ все же стоило бы.

⁴ Scipioni 2003.

⁵ Pausch 2004.

⁶ Ср., например, Wiseman 2001, 182–193.

Также следует отметить, что Авл Геллий первым и единственным в античной традиции указывает на терминологическое различие между словами *proletarii* и *capite censi*. Именно на это сделан особый акцент в монографии; тем самым подчеркивается познавательная ценность Геллия в сравнении с другими авторами. На с. 94 рецензируемой книги эти термины поясняются со ссылками на Энния и Юлия Павла, последний из которых свидетельствовал, что пролетарии – это те из плебса, кто были самыми незначительными и бедными и имели имущества не более чем на 1500 ассов, а *capite censi* были еще беднее, поэтому в цензовой переписи они учитывались «по головам». Между тем, в историографии уже давно бытует мнение, что особый смысловой акцент в характеристике этих понятий был сделан не столько на имущественном положении представителей этих категорий, сколько на самом факте освобождения их от гражданских обязанностей, что могло быть вызвано различными причинами. При характеристике реформ Сервия Туллия в целом следует учитывать общие особенности развития архаических обществ, а также то, что представители римской исторической традиции подходили к изучению собственной древнейшей истории с позиций социальных отношений, актуальных для их времени. Между тем, освобождение от платежных взносов в архаических обществах производилось не по причине неплатежеспособности, а в силу того, что от платы освобождались самые ценные для общества люди. Для пролетариев такой ценностью становилось большое потомство, вырастить которое и так считалось особенной доблестью⁷. Таким образом, здесь перед нами довольно сложная проблема, имеющая не только историко-терминологическое, но и историко-этнографическое измерение, и данные Авла Геллия необходимо рассматривать на более широком фоне.

Характеризуя исторические экскурсы в «Аттических ночах», И.Л. Маяк резонно замечает, что у Геллия отсутствует целостная концепция римской истории. Он не старается создать даже брeвиария, ибо это не входило в его непосредственную задачу. Исторические реалии для него – лишь средство создать фон для его этимологических штудий или написания сюжетов занимательного характера. Но, тем не менее, для Геллия исключительную важность имеет хронология, а данные исторической традиции аккумулируются им с тщательностью и скрупулезностью. Установлена зависимость Геллия от многих представителей анналистической традиции, среди которых особо нужно отметить Клавдия Квадригария. Таким образом, абсолютное несомненно, что важнейшее место в труде Авла Геллия занимает анналистика, которая вообще составляет фундамент римской историографии, включая труды Ливия и Дионисия Галикарнасского.

Поэтому выделение в рецензируемой книге целой главы «Анналистика в труде Авла Геллия» (с. 109–151), на наш взгляд, вполне обоснованно и приемлемо. Особая ценность этой главы обуславливается тем, что в ней подводятся итог целому ряду исследований (в том числе и работам самой И.Л. Маяк), целью которых был анализ археологических данных и их места в интерпретации исторической традиции о раннем Риме. Между тем, археологические материалы постоянно пополняются, в результате чего возникает нужда в регулярном пересмотре этих данных, поскольку от этого в конечном итоге зависит и источниковедческая характеристика самих «Аттических ночей». В этом отношении И.Л. Маяк следует устоявшейся методике комплексного исследования источников, основные принципы которого были разработаны еще Б.Г. Нибуром.

Автор обращает внимание на некоторые вопросы методологического характера, связанные с анализом сведений анналистической традиции. Это касается прежде всего характерных особенностей младших анналистов в подаче информации: отход от простой, незамысловатой фактографии в изложении событий и увлечение различными оборотами речи дало повод некоторым исследователям (в особенности, Л. Пусе) считать младшую анналистическую традицию менее достоверной, однако подобный подход совершенно не учитывает другие источники, помимо собственно анналов, в частности семейные хроники (с. 109). По мнению автора, эти и многие другие предубеждения относительно эвристической ценности римской исторической традиции явились, в том числе, следствием гиперкритических построений, которые сами по себе стали следствием широкого распространения неокантианского эпистемологического подхода в гуманитарных науках (с. 114–115).

В связи с этим поистине бесценными являются археологические и эпиграфические свидетельства, при помощи которых воссоздаются культурно-исторические истоки анналистической традиции. Показателен в этом отношении пример итальянского ученого Э. Перуцци, который, детально изучив артефакты греческого происхождения, найденные при раскопках латинских Габий, пришел к выводу, что Габии были в VIII в. до н.э. городом греческой культуры. Это позволило совершенно в ином свете рассмотреть данные Дионисия Галикарнасского об отправке близнецов в этот город для обучения чтению и военному делу по греческому образцу (с. 114). И это – далеко не единичный пример, позволяющий реабилитировать целые пласты римской исторической традиции. Относительно недавняя находка в Габиях ритуального сосуда VIII в. до н.э. с надписью греческими буквами «Εβοιν»

⁷ Ср., например, Коптев 2011, 52–84.

свидетельствует о распространении мистериальных культов в честь Диониса и подтверждает тезис об издавна сложившейся репутации Габий как города греческой культуры⁸.

Следующая глава «Документы жреческих коллегий» (с. 152–177) посвящена анализу источников этого типа, цитируемых Авлом Геллием. Вопросы, связанные с композицией и содержанием текста сакральных документов, неоднократно становились предметом научной дискуссии в литературе, в том числе и отечественной, начиная с середины XIX в. (достаточно назвать работы В.И. Модестова). В настоящее время сакральные документы уже в течение нескольких десятилетий находятся в центре внимания Франческо Сини, который разработал систему классификации жреческих документов, содержащихся в актах коллегии понтификов. Итальянский исследователь выделяет среди этих документов первоисточники, их копии и подробные пересказы документов, содержащиеся в трудах анналистов, антикваров и поэтов. Пересказы, в свою очередь, демонстрируют устоявшееся в древней традиции мнение, которое, будучи уже сложившимся на протяжении первых двух столетий истории римской анналистической традиции, обладает консервативным характером и потому ему трудно отказать в доверии. На основе этой классификации можно выделить аутентичное ядро жреческих документов, которые содержат неизменяемые торжественные формулы, заклинания и молитвы. Цитаты из различных текстов жреческих коллегий, содержащиеся в «Аттических ночах», представляют собой исключительный по своей важности материал. Ценность этих кратких формул определяется священным характером самого текста, который бережно, практически в неизменном виде передается от одного историка к другому, поскольку, как известно, сакральной сфере всегда присуще стремление к сохранности архетипа материальных и письменных элементов, входящих в нее (с. 177). Помимо того что данные «Аттических ночей», касающиеся материалов жреческих коллегий, представляют существенный интерес для специалистов в области сакральной истории древнего Рима, они также являются весьма значимыми с точки зрения сравнительного источниковедения, поскольку их значение в изучении композиционной структуры и исторической достоверности «Аттических ночей» трудно переоценить.

В науке уже давно обращалось внимание на исключительное значение, которые имеют «Аттические ночи» в деле изучения содержащихся в них документальных данных, относящихся к деятельности различных государственных структур. Там, где необходимо привлечение тех или иных цитат в качестве имеющих определенную ценность *exemplar*, Авл Геллий либо буквально цитирует официальные документы, либо пересказывает их близко к оригиналу. В связи с этим И.Л. Маяк сосредоточивает свое внимание на анализе терминологии, относящейся к постановлениям сената, а также на бытовании этой терминологии в римской юридической традиции. Этому посвящена глава «Сенат и постановления сената» (с. 178–200), в которой, среди прочего, рассматриваются данные о постановлениях сената, не встречающиеся у других древних авторов. И.Л. Маяк идентифицирует первоисточники, использованные Геллием: законы, консульские эдикты, сочинения юристов; при этом показывается место каждого цитируемого фрагмента в композиционной структуре «Аттических ночей». Мастерство Ии Леонидовны как глубокого знатока и тонкого критика первоисточников позволяет не только составить представление о месте, которые занимали эти тексты в «Аттических ночах», но и понять принципы работы самого Авла Геллия с документальными первоисточниками, поскольку мы видим, что «ритор... говоря о позднереспубликанских и даже императорских сенатских решениях, отмечает их связь с древними решениями или традициями, так что ряд из них указывает на развитие древних сенатских консултов, касавшихся важных линий римской жизни на длительном периоде ее истории» (с. 200).

В главе «Постановления магистратов» (с. 201–211) рассматриваются эдикты и декреты, данные которых также использовались Геллием в его терминологических изысканиях. Различные магистратуры упоминаются Геллием в связи с изложением конкретных событий, но очень часто в связи с собственными эрудитскими штудиями Геллий задается целью прояснить значение того или иного термина, напрямую относящегося к его работе как антиквара. Геллий приводит содержание эдиктов магистратов либо напрямую, либо в форме сжатых пересказов текстов, принадлежащих римским юристам. Все это свидетельствует об особой доброкачественности материала, содержащегося в «Аттических ночах».

В главах «Понятие власти в сочинении Авла Геллия» (с. 212–237) и «Проблема собственности у Авла Геллия» (с. 238–246) приводится анализ встречающихся у Геллия терминов, характеризующих отношения власти и собственности – *manus*, *mancipium*, *potestas*, *imperium*, *dominus*. И.Л. Маяк ставит проблему эволюции значений этих терминов начиная с архаической эпохи и до II в. н.э. Если понятия *manus* и *mancipium* применяются преимущественно в сфере частного права, то термин *potestas* упо-

⁸ Результаты почти сорокалетних исследований Э. Перуцци были обобщены в одной из последних работ ученого: Peruzzi 1998.

требуется и в сфере публичного права, являясь, в сущности, одним из универсальных терминов для обозначения власти как таковой. *Imperium* в области частного права употреблялся преимущественно в переносном значении; при этом особая семантическая нагрузка, характерная для понятия *imperium*, позволила усматривать за ним прежде всего высшую военную власть и, как следствие, власть Рима, распространявшуюся на покоренные территории. В этом смысле особое значение имеют указания юриста Марка Мессалы, на основании которых можно утверждать, что гражданская власть (*potestas*) противопоставлялась именно военной власти (*imperium*), которой не имели цензоры, в отличие от консулов и преторов. В данных терминологических штудиях огромное значение имеет опора Геллия на предшествующую традицию в лице Атея Капитона, Антистия Лабеоны, Мазурия Сабина и других авторов.

Глава «Полисные структуры: римская *res publica* и *civitas*» (с. 247–261) имеет особое значение, поскольку не только помогает уяснить отношение Геллия к государству и власти (и, следовательно, понять место этих понятий в картине мира римского ратора), но и позволяет на основании разновременных источников, используемых автором «Аттических ночей», проследить эволюцию политической реальности, которая в разные периоды времени отображали понятия *πόλις* и *civitas*. Таким образом, И.Л. Маяк ведет речь о трансформации полисных структур, вызванной расширением римского гражданского коллектива. Различные правовые статусы общин открывали возможность индивидуального и коллективного приобретения прав римского гражданства, что обеспечивало социальную мобильность в рамках самой римской *civitas*. Данные Авла Геллия, в том числе и в сопоставлении с данными Феста, также помогают уяснить, какую эволюцию претерпели уже в императорскую эпоху понятия, связанные с такими полисными институтами, как колония римских граждан и муниципий. И.Л. Маяк замечает, что именно «в преобразовании римской *civitas*, т.е. в ее прогрессирующей открытости, таилась возможность создать великую империю, что оказалось невозможным для греков, яростно державшихся за свой сепаратизм» (с. 260–261). Автор особо подчеркивает, что открытость римской общины стала проявляться уже на очень раннем этапе и была связана с аграрной рогацией Спурия Кассия (486 г. до н.э.), которая, хотя и не была реализована, но стимулировала правовую мысль римлян в направлении создания новых форм допуска «чужаков» в ряды римского гражданства (с. 261).

Весьма интересна последняя глава монографии «Женщины в сочинении Авла Геллия» (с. 262–288), рассматривающая материал «Аттических ночей» с позиций гендерной истории. На первый взгляд может показаться, что эта глава несколько выбивается из общего контекста, но на самом деле представленные в ней экскурсы о положении женщин в римском обществе подводят некоторый итог всему тому, что говорилось в предыдущих главах, поскольку анализ сюжетов о женщинах позволяет акцентировать внимание на целом ряде вопросов не только социальной, но и правовой истории Рима, особенно когда это касается усиления социальной роли женщин и укрепления их гражданского статуса. Далее, изучение конкретных «женских» персоналий позволяет сделать ряд важных выводов и о достоверности предоставляемой Геллием информации, которая основывается на тех же первоисточниках, что и сочинения Ливия, Дионисия и Плутарха, но сверх того содержит много ценных данных, которые представители исторической традиции зачастую обходят стороной. Тем самым подвергаются убедительной критике негативистские установки, пытающиеся представить изучение раннего Рима как невыполнимую с методологической точки зрения задачу.

Здесь хотелось бы указать на некоторые проблемы, которые могли бы прояснить особенности исторического сознания самого Авла Геллия. Например, это касается таких представленных у него женских образов, как Акка Ларенция, претерпевшая в «Аттических ночах» такую же демифологизацию, как и образ Ромула, хотя само ее прозвище *Larentia*, происходящее от *lares* – лары, души усопших, показывает, что изначально она была кем-то вроде божества, покровительствующего семейной общине. Известно, что она почиталась как хтоническое божество и ее праздник входил в цикл священнодействий памяти умерших⁹. В предании об Акке Ларенции фигурируют два совершенно разных персонажа; по одной версии – жена пастуха Фаустула, кормилица Ромула и мать двенадцати сыновей, из которых впоследствии была сформирована коллегия арвальских братьев, по другой – гетера, которую Геркулес наградил браком с богатейшим человеком. По мнению И.Л. Маяк, которое кажется нам весьма убедительным, реальным персонажем могла быть только кормилица Ромула; этот образ был сформирован в нарративной традиции локального характера, аккумулированной впоследствии римскими антикварами. На наш взгляд, рассмотрение данных об этом женском персонаже может быть расширено с помощью историко-лингвистических штудий, учитывая то, что само имя Акки, которое справедливо было охарактеризовано И.Л. Маяк как «очень древнее» (с. 266), не имеет убедительных индоевропейских параллелей.

⁹ Штаерман 1987, 56.

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, считаем своим долгом констатировать, что перед нами – интересное и оригинальное исследование, являющееся своего рода «мастер-классом» источниковедческого анализа. Следует отметить, что написание обстоятельной монографии, посвященной Авлу Геллию, заполнило существующую лауну в русскоязычной историографии, снабдив ее ценным исследованием, которое, хочется надеяться, проложит дорогу дальнейшим штудиям в области изучения наследия этого римского ратора. Также заметим, что те сюжеты, на которые мы обратили внимание в данной рецензии, – всего лишь малая часть поднятых в книге проблем, относящихся к древнейшей истории Рима и обнаруживающих множество ценных параллелей с архаической истории Греции, Балкан и Европы в целом. И последнее, на что хотелось бы обратить внимание: очень многие частные сюжеты, преломляющиеся в антикварном опусе Геллия и притягивающие внимание римских антикваров в течение многих поколений, способны сформировать основу для новых исследований, способных вывести изучение истории раннего Рима на качественно новый уровень. В связи с этим позволим себе выразить надежду, что поставленные в монографии проблемы впоследствии получат дальнейшее развитие, а рассматриваемая нами книга стимулирует новые подходы в изучении истории Рима.

Литература

1. *Альбрехт М. фон.* 2005: История римской литературы. Т. III. М.
2. *Vinner P.Yu.* 1948: Моральная философия Авла Геллия // ВДИ. 2, 58–64.
3. *Kontev A.B.* 2011: Царь Сервий Туллий в роли создателя Римской Республики: Мифология основания до Фабия Пиктора // *Studia Historica*. Вып. 11. М., 52–84.
4. *Маяк И.Л.* 1998: Понятия власти и собственности в сочинении Авла Геллия // *Ius antiquum*. Древнее право. 1(3), 8–27.
5. *Маяк И.Л.* 2002: *Senatusconsulta* в тексте «Аттических ночей» Авла Геллия // *Ius antiquum*. Древнее право. 2 (10), 24–33.
6. *Тыжов А.Я.* 2007: Авл Геллий и его «Аттические ночи» // *Авл Геллий*. Аттические ночи. Книги I–X / Пер. с латинского под общ. ред. А.Я. Тыжова (*Bibliotheca classica*). СПб., 5–14.
7. *Штаерман Е.М.* 1987: Акка Ларенция // Мифы народов мира. Т. 1. М., 56.
8. *Pausanias D.* 2004: *Biographie und Bildungskultur*. Personendarstellungen bei Plinius dem Jüngern, Gellius und Sueton. B.–N.Y.
9. *Peruzzi E.* 1998: *Civiltà greca nel Lazio preromano*. Firenze.
10. *Scipioni L.* 2003: *I codici umanistici di Gellio*. Roma.
11. *Wiseman T.P.* 2001: Reading Carandini // *JRS*. 91, 182–193.

И.А. Копылов,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира
Института восточных культур и античности РГГУ

© 2014 г.

Население предгорий Северо-Западного Кавказа в римскую эпоху: по материалам некрополя в Широкой Балке. Ответственный редактор А.А. Малышев (Некрополи Черноморья. Т. IV). М., 2011

Так сложилось, что долгое время римской тематике в отечественном «боспоредении» традиционно не везло: основные усилия ученых часто сосредоточивались на материалах позднеархаического, классического и эллинистического периодов. Более того, на память приходит не так уж много северопричерноморских некрополей первых веков нашей эры, материалы которых были бы изданы полностью. В этой связи большой интерес представляет полная публикация материалов некрополя римского времени в Широкой Балке, который исследовался в 1979–1982 гг. Н.А. Онайко, А.В. Дмитриевым и А.А. Масленниковым.

Стоит отметить, что это уже четвертый том серии, выходящей под редакцией А.А. Малышева, планомерно и очень тщательно вводящей в научный оборот материалы многолетних исследований